

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ В ПРОСТРАНСТВЕ МАКРОИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассмотрена проблема формирования российской макроидентичности в рамках идеологической и социокультурной составляющих. Речь идет о том, что, обеспечивая интеграцию нашего общества в форму общего коллективного субъекта, будет решаться проблема не только экономической модернизации и гражданского общества, но и партнерства между Россией и другими цивилизациями.

Ключевые слова: формирование идентичности, макроидентичность, идеология, деидентификация, социализация, национальный характер, устойчивость, нормативность.

N.A. Moiseeva

THE IDEOLOGICAL AND SOCIO-CULTURAL SYSTEM OF COORDINATES IN THE SPACE MACRO-IDENTITY

In this article the problem formation of Russia's macro-identity in the ideological and socio-cultural components. The idea is that by providing the integration of our society in the form of a general collective subject, the problem will be solved not only of economic modernization and civil society, but also of the partnership between Russia and other civilizations.

Keywords: identity formation, macro-identity, ideology, deidentification, socialization, national character, stability, norm.

В результате осуществления реформ страны предполагалось получить эффективных собственников, рост благосостояния общества, развитые демократические институты, которые смогли бы оправдать необходимость перехода к новому общественному строю, осуществленному не революционным, а реформистским путем. Все это не было реализовано в той мере, в какой планировалось, поскольку главный акцент был сделан на технологии с установкой «экономического детерминизма», где хозяйственные процессы рассматриваются как самостоятельные, автономные, не зависящие ни от каких социокультурных параметров. Поскольку не была выдержана объективность перехода к новому, поэтому сегодня не может быть гарантирована устойчивость этой системы. Очевидно, что должна была сохраняться преемственность в самых различных аспектах общества, так как новое, качественное преобразование всегда связано с «удержанием положительного», встраиванием его в новые структуры. При этом формой, которая способна перевести старые отношения в новые, сохраняя их объективность, является социум, так как именно здесь происходит согласование субъективной и объективной сторон. Из этого следует, что экономика как часть обще-

ства не может быть реформирована без учета всех остальных его сторон, чтобы обеспечить целостность общества.

Следовательно, для реализации заданных целей необходимо предусмотреть – как именно социокультурное пространство с его самобытными традициями и менталитетом народа может опосредовать формирование в стране современной экономики, сохраняя необходимое сочетание самобытного, национально-уникального, с одной стороны, и наднационального, общечеловеческого – с другой. «Важно с самого начала исходить из принципа приоритетности социального (социокультурного) над экономическим, что позволяет развивать экономику в ее национальной форме. Это вовсе не значит, что при этом блокируется внедрение и освоение ее современного международного качества. Но это означает, что будет сформирована социально-субъектная (этнонациональная в своей основе) мера, обеспечивающая встраивание международной, глобальной экономики в форму (границы, условия, самобытность) национально-государственного строительства и самоопределения. Тем самым национальное государство сохраняет объективность и условия собственного развития, обеспечивая в международном масштабе формирование многополярного мира» [6, с. 69].

Показательно, что американский профессор С. Хантингтон особенно важным приорите-

¹Кандидат философских наук, доцент кафедры истории Российского государственного аграрного заочного университета.

том для своей страны считает общенациональное самосознание. В своей книге «Кто мы?: вызовы американской национальной идентичности» он утверждает, что идентичность американцев варьировалась на протяжении всей истории США, приобретая формы «субнациональные, двунациональные и транснациональные». Трагические события 11 сентября 2001 года вернули Америке ее идентичность. «До тех пор пока американцы считают, что их стране угрожает опасность, национальная идентичность остается весьма высокой» [10, с. 15]. К факторам, формирующим американскую идентичность, он относит среди прочих идеологию и культуру [там же, с.16]. Несомненно, что и в России для преодоления последствий кризиса в социальном и политическом пространствах должно быть уделено достойное внимание проблемам восстановления идеологической и социокультурной систем координат, строящихся в пространстве поля макроидентичности.

Стоит вспомнить о ситуации, которая о многом заставила задуматься. 11 декабря 2010 года по всем каналам Центрального телевидения прошла трансляция с Манежной площади Москвы, где произошло столкновение фанатов футбола и уроженцев Кавказа. Средства массовой информации отреагировали публикациями представителей культуры, спорта, духовенства о том, как предотвратить подобное противостояние молодежи на националистической почве [5]. Все авторы, представители российской общественности, говорили об одном – отсутствии общегосударственной национальной идеологии, направленной на интеграцию, социализацию и просвещение. Здесь же в газете была приведена диаграмма, в которой в процентном соотношении отражен ответ на вопрос: «Представители каких народов вызывают у вас наибольшее раздражение?» 54% ответили, что таких народов нет, 28% – кавказцы, 6% – народы Средней Азии, 3% – евреи, 9% затруднились ответить. Как видим, лояльное отношение проявляют 63% населения, хотя все же проблема национализма существует.

Но можно ли назвать многонациональную страну, где такой проблемы нет? В мире «битвы» молодежи идут и по другим поводам. Как представляется, здесь проблема лежит глубже. Фактически, эта проблема становится глобальной – молодежь не принимает мир с этими ценностями. Нужны новые модели и новый механизм, нужна качественно обновленная политика с ценностными приоритетами. Общеизвестно, что наш рациональный мир в полной мере использует интеллектуальный потенциал молодежи, а вот душевно-духовная составляющая оказывается невостребованной. Это

касается, в том числе, и нашей страны, поскольку одной из причин выступает уменьшение в учебных заведениях социально-гуманитарного цикла и переход на информационные технологии образования. Результатом этого является отсутствие знания и «сопереживания» традиций культуры как своего этноса, так и страны, в которую мигрировали те, кто выходит на площади с антисоциальными целями. Поэтому проблема социализации, воспитания и просвещения, формирования макроидентичности – это проблема не только учебных заведений, но и всего социума, государственной идеологии и политики. Нельзя не согласиться с историком Л.В. Бочковой, что «ни одна страна не может жить без устойчивой идеологии. Государство – это коллективное “мы”, обладающее более или менее прочной идентичностью. Но коллективная идентичность – это не изначальная данность. Она рукотворна. В ее основе лежит идея, идеология, овладевшая обществом» [4, с. 30].

Термин «идеология» буквально означает «учение об идеях», поскольку состоит из двух древнегреческих слов: «идея» и «логос». В научный оборот этот термин был введен одним из представителей позднего поколения французских просветителей Антуаном де Траси. Вместе с тем, следует уточнить, что сегодня в процессе своего развития идеология в самом общем плане понимается как относительно систематизированная совокупность взглядов, существенной чертой которых является функциональная связь с интересами и стремлениями общества. Современный политолог И.Н. Андрушкевич утверждает, что идеология сегодня – это не столько учение об идеях, сколько «система идей, но не любых идей, а идей общественных» [2, с. 163]. Учитывая стратегическое развитие страны и современное международное положение России, сравнивая идеологическое пространство России советской с ее достижениями и сегодняшнюю ситуацию в стране с «атомизацией» общества и низкими общероссийскими экономическими показателями, резонно встает вопрос: а каков глубинный смысл идеологии?

В любой культуре сосуществуют два пространства: этническое и социальное. Можно предположить, что совмещение этих пространств происходит в национальной культуре через определенный механизм. Но в отличие от глубинного этнического пространства и социального, в котором общество живет в своей реальной истории, вполне сознательно может быть выстроено интегральное пространство, которому будут заданы культурой, обществом и менталитетом определенные параметры и которое будет выступать как социализирующее и воспитывающее. Более того, оно бу-

дет направлено на выработку общенациональной истории через формирование самосознания и мировоззрения как более поздних образований. Это, собственно, и есть пространство идеологии, которое выступает одним из механизмов «конструирования» социального поведения. Посредством идеологии как «проекции» данной культуры на современность будут транслироваться два среза ценностей: социокультурные и этнонациональные как регулятивы поведения.

Выполняя «работу» связывания социальных и этнических пластов, идеология осуществляет сложный процесс объективации: перевода константных жизненных этнокультурных ценностей в социум нации. В свою очередь, сама культура как бы дает санкцию на продвижение присущих ей тех или иных качеств, востребованных современностью для формирования их через социум у индивидов. Идеология становится пространством, в котором актуализируются те культурные ценности, которые востребованы в данный исторический период в данном социуме. Таким образом, механизм идеологии может либо выстраиваться сознательно или формироваться неосознанно, разница лишь в том, какие параметры будут в идеологии превалировать. Другими словами, сознательная «работа» по созданию идеологического пространства будет заключаться в том, чтобы актуализировать адекватные культуре ценности и качества характера личности, в противном случае активизируются любые, в том числе и деструктивные.

Собственно одной из главных проблем, которую должна решать идеология, – это интеграция нашего общества в целостность и переход его от атомизированного состояния в статус субъекта. На конференции «Русская идея России», проходившей 12 ноября 2010 года в ИНИОН, в докладе доктора исторических наук Багдасаряна В.Э. проводился сравнительный анализ успешности государств на мировой арене. Он на основании статистических данных показал, что в странах, где идеология закреплена конституцией, многие показатели – демография, экономическая модернизация, рост ВВП и др. – превосходят те страны, в которых этому не придается значения на уровне государства [3, с. 5]. По этому поводу пишет доктор политических наук Якунин В.И.: «Запрет на конституционную идеологию не соотносится... с мировой конституционной практикой. Установка на запрет идеологии характеризует главным образом конституции государств бывшего советского блока и не прослеживается применительно к “старым демократиям”, – в действительности же неидеологических государств не существует» [12].

Изменение общественного строя на территории СССР и в странах Восточной Европы на рубеже 80–90 годов XX века привело не только к глубоким трансформациям в сфере экономики и государственно-политического устройства, но и в духовно-культурной сфере: прежняя система ценностей и моральных принципов была разрушена, что обусловило – вместе с созданием рыночно-потребительского общества – *кризис социальной и культурной мы-идентичности*.

Однако явное запаздывание с формированием мы-идентичности в современной России позволяет предполагать, что здесь дело не только в принятии новых ценностей и новых социальных ролей, но в обеспечении трансформации глубинных «пластов» социума и культуры. Поэтому сама по себе адаптация населения к рынку и не могла стать основой формирования новой социально-культурной идентичности. Произошли только изменения социальной структуры, которые сами по себе не формируют новых параметров идентичности. Поэтому возникает необходимость более конкретного рассмотрения всего того, что обеспечивает восстановление столь необходимой для нашего общества макроидентичности. Эта проблема является актуальной именно потому, что отставание с решением этой проблемы «держит» общество в состоянии перманентного кризиса, оказывается фактором, препятствующим формированию установки населения на инновационное развитие страны.

Формирование мы-идентичности – это выход общества на уровень его целостности, приобретение им качества субъекта, способного определить свою позицию по отношению к внешней реальности и к собственной общественной жизни. Поэтому все более частные уровни идентичности – гражданской, этнической, социально-классовой и даже культурной (в плане культурных потребностей различных социальных групп и слоев) – входят в «состав» мы-идентичности и приобретают там свое собственное соизмерение и статус. Гипотеза автора состоит в том, что наиболее полно «представляет» макроидентичность ее социально-культурная форма, которая удерживает соотношение со спецификой российского менталитета и национального характера. В этом плане социокультурная идентичность, которая «узнается» населением страны, выражает соотношение внутреннего и внешнего: социокультурная сфера приобретает функцию выражения мы-идентичности потому, что соотносится с внутренними факторами бытия народа – его менталитетом и национальным характером. И блокирование такой связи резко ослабляет возможности формирования социо-

культурной идентичности, поскольку сохраняется массивное воздействие как внешних факторов (цивилизационное, технологическое и др.), так и внутренних – прежде всего, рыночной среды и ее ценностей. Неслучайно сегодня социокультурная идентичность подменяется стереотипами массового общества, которые формируются массовой культурой на собственной индустриальной основе.

Но ситуация с российской макроидентичностью включает еще ряд факторов. Во-первых, разрушение традиционных ценностных институтов в России в процессе осуществления либерально-модернизационных преобразований не сопровождалось появлением равноценных новых институтов, а прямым следствием этого разрушения стал раскол социального сознания и деградация национального характера. В результате, как показывают проводимые РНИСиНП социологические исследования, выделились три группы ценностного сознания, каждая из которых прямо не направлена на обретение мы-идентичности, а потому и подвержена риску кризиса. Это – носители индивидуалистической системы ценностей (20–22%), представители традиционной системы ценностей (45–47%), группа с противоречивым типом ценностного сознания (30–35%) [9, с. 73]. Во-вторых, необходимо учитывать также воздействие процесса глобализации, в котором международные стандарты и требования начинают во многом определять жизнь конкретных обществ на региональном уровне.

Утрата мы-идентичности проявляется в различных формах. Это и отсутствие общественного самосознания, и значительное ослабление таких ценностей и регуляторов социального поведения, как чистая совесть и честность, коллективизм, социальная взаимопомощь и других. Эти принципы перестают соответствовать новой реальности, в результате чего происходит как бы внутренний распад социальной сферы, ее «атомизация», что воздействует и на статус культуры, снижая масштабы и глубину ее воздействия на общество. По мнению некоторых авторов, «современная Россия существует как неопределенная совокупность людей, которые в большей степени объединены только территориально и имеют слабую связь между национально-культурной идентичностью, смутно представляя будущее своего развития» [8, с. 188].

Можно предположить, что главными причинами деидентификации стали:

- распад коллективной памяти и утрата веры в общее будущее;
- чувство неполноценности относительно более совершенной культуры, жесткое вытеснение из

русской действительности традиционных ценностей и замена их прозападными ценностями (и в то же время наличие остаточных явлений патерналистских ожиданий по отношению к государству и обществу, восходящих к идеалам советской эпохи);

- колоссальный социальный сдвиг от общества интенсивного труда к обществу интенсивного потребления и повышенный спрос на «индустрию досуга»;

- жесткая социальная дифференциация, закрытость элит и развитие в обществе «внутренней эмиграции»;

- материальные трудности и снижение социально значимых мотиваций;

- утрата ведущей роли традиционных конфессиональных, профессиональных, семейных институтов и межпоколенческая конфронтация (в более мягком варианте – отчуждение);

- возникновение контркультурных и протестных молодежных движений и др.

Еще одним важным фактором можно считать искажение процесса социокультурной идентичности за счет снижения функции социализации таких социальных институтов, как семья, образование, культура. Отсюда – появление феномена «размытой идентичности», который проявляется, с одной стороны, в признании ценности таких понятий, как Родина, Держава, Россия, а с другой – в ориентации на ценности и культуру западного общества.

Таким образом, мы можем констатировать, что произошло кардинальное изменение сознания современного русского общества, обусловленное существенными изменениями общественной системы и ее внутренней среды. Но это привело к разрастанию социальной аномии, фрустрациям, с одной стороны, и росту радикального национализма, с другой. Вообще в зависимости от трактовки мы-идентичности по-разному может рассматриваться и национальная идентичность России – как по государственно-правовому, так и по социокультурному принципу. В данном контексте в современной России четко прослеживаются две социальные ориентации. Это, во-первых, усиление национальной идентичности в форме национализма; во-вторых, ослабление идентичности в форме деидентификации с разрушением всех прошлых принципов общероссийской национальной идентичности. Здесь особенно актуальным становится поиск современной формы макроидентичности – единства русского «мы». В данном контексте как никогда необходимы поиски новой идеологии и определение национальных интересов.

В современной России систематическое разрушение институтов советского общества сыграло

решающую роль в процессах деидентификации, в разрушении образа «своего». Но утрата идентичности должна предполагать некую реабилитационную работу – восстановление целостного и упорядоченного мира, пусть даже он будет другим, поскольку наличие целостной и устойчивой системы ценностей есть залог как национального равновесия, так и мира международного. Еще философы русского зарубежья писали, что отвлеченно человеческой, всечеловеческой ни история, ни что-либо в истории быть не может, поскольку оно всегда является конкретно человеческим, национальным и только в таком качестве восходящим до общечеловеческого. Как утверждал Н.А. Бердяев, есть только один исторический путь к достижению единства человечества, это путь национального роста и развития.

С другой стороны, чувство сопричастности судьбе нации и тревоги за ее будущее, которые происходили в ситуации надлома, кризиса выливается в России в обостренное чувство национализма. В подобных ситуациях национализм имеет ясно обозначенную «функцию». Он может «быстро обеспечить идентичность в период резких перемен; он может мотивировать людей на работу ради дальнейших перемен, он может обеспечить базовые установки в таких сферах, как создание современной системы образования и стандарт национальной культуры» [7, с. 35].

Идентификация себя с национальными архетипами есть форма бытия национального в нации и национального отношения к ней как к нации. Но из истории известно, что национализм может принимать явно негативный характер. Причиной этому, как представляется, может послужить постановка акцентов идентичности не на общности нации, а на национальности (этнотипе), то есть не в области «духа», а «крови». Нация является цивилизационным уровнем развития и в основе своей опирается на культурную и духовную идентичность. И в это пространство идентичности входят разные этносы, между которыми имеются значительные различия. Для России это имеет первостепенное значение, так как многие этносы, не являясь автохтонами для русской национальности, тем не менее, стали частью российской нации, россиянами, идентифицируя себя с Россией, сливаясь с русской историей. В связи с этим следует помнить, что практика фашизма идеологически обеспечивалась именно этническим национализмом, национализмом крови и избранности происхождения: от избранных предков, избранного этноса и избранной расы.

В современной Европе пропагандируется принцип единых политических наций, объединя-

ющих людей различной этнической принадлежности принадлежностью к единой европейской цивилизации. Это значит, что для устойчивости общества, его внутреннего единства статус европейской цивилизации и вхождение в нее определенной страны с ее народами оказывается более высоким, чем конкретные параметры автономности этносов. Следовательно, чем выше планка идентичности, тем это более предпочтительно как для самой страны, так и для международной жизни. Поэтому и на постсоветском пространстве статус этнической идентичности должен быть включен в более высокий уровень – российской социокультурной (и гражданской) идентичности. Сохранение установки на этническую автономность – прежде всего на Северном Кавказе – порождает конфликты, ведет к ослаблению целостности страны и выступает угрозой для ее геополитического пространства. Суть дела в том, что выживание и реальная самостоятельность этнических республик в современном мире могут быть обеспечены только в составе России, на основе федеративного устройства и общегражданского самосознания, на основе самосознания общей исторической судьбы. Без этого условия этнические сообщества будут поглощены другими странами, а потому судьба этих этносов, их собственное развитие не могут быть гарантированы. Таким образом, общероссийское национальное самосознание, ориентированное на целостность страны, является фактором формирования мы-идентичности, а этнический национализм ведет к распаду и разрушению российского общества.

Однако национальная ориентация как установка на внутреннюю целостность общества сегодня не обеспечивает (точнее – не завершает) формирования мы-идентичности. Как это ни парадоксально, именно требования глобализации – подчинение региональных систем международным нормам – оказывается тем вызовом, ответ на который внутренне связан с формированием мы-идентичности. Усиление воздействия международных норм и требований означает формирование нового типа партнерства – между регионами и планетарным сообществом, т.е. между отдельными странами и формами международной интеграции. Именно реальность такого партнерства вводит отдельные страны в пространство современности, с одной стороны, а с другой – обеспечивает и международное сотрудничество на многополярной основе, поскольку каждая страна выступает не только субъектом и проводником международного разделения труда, но и источником вносимых в мир инноваций. Страны, которые существуют изолированно (например, Северная Ко-

рея), постоянно испытывают экономические и технологические трудности, что предопределяет невысокий уровень жизни их населения, установку на собственные «преимущества» перед другими странами, а в итоге – продуцируют собственное отставание. Здесь идентичность основана на идеологическом монополизме, централизме руководства, на поглощении личности коллективом.

Для России такой вызов глобализации требует самоопределения именно в рамках мы-идентичности, так как это обеспечивает не только формы международного партнерства, но и понимание миссии страны в международном пространстве современности и будущего, ее ответственности за решение глобальных проблем, за сохранение устойчивости планетарного социума и культуры. С другой стороны, этот внешний глобальный вызов требует ответа на вопросы: что такое сегодня Россия как субъект не только для внешнего мира, но и для себя? Какую ценностную, духовно-культурную самобытность Россия представляет и сохраняет? Какие инновационные предложения она может сформировать на основе такой самобытности? В чем состоит миссия России в мире?

Выявить себя в международном пространстве как нечто целостное на уровне макроидентичности Россия может через максимально емкую и универсальную форму своего бытия – специфику созданной цивилизации. В России сформировался *свой культурно-цивилизационный универсум*, представляющий страну как посредника между мирами, – «Запад – Россия – Восток». Находясь между центрами западной и восточных цивилизаций, Россия геополитически объединяла пространство, находящееся между основными векторами развития мировой истории. Она выступала, по мысли В. Соловьева, «великим собирательным существом», столетиями вбирая в себя ценности и нормы этих культурных пространств. Цивилизационная специфика исторического пространства российской Евразии стала исторической судьбой России, – тем особым жизненно важным социально культурным ядром, в соотношении с которым концентрировались все цивилизационные потоки российской Евразии. Россия через свою внутреннюю целостность и особенности создавала и осваивала геокультурное (экономическое, политическое и др.) пространство между Западом и Востоком, формируя собственную цивилизационную матрицу.

В рамках этой целостности всегда удерживался русско-российский культурный проект, по своему связывающий духовное и материальное, сакральное и профанное, попадая в ситуации раскола и конфликта, революций и бунтов и вместе

с тем – вырабатывая свои духовно-нравственные ценности, принципы коллективизма и справедливости и др. Это сохранялось, несмотря на постоянные заимствования Россией культурных инноваций как Европы (Запада), так и Востока.

Сегодня важной задачей становится перемещение этой глубинной основы на статус общего регулятора российского общества, что тесно связано с формированием мы-идентичности: именно возникновение последней обеспечивает социально-культурное и идейно-мировоззренческое наполнение евразийского пространства, которое, в свою очередь, обеспечивает устойчивость и нормативность этого уровня идентичности, достижение которого может стимулировать движение к гражданской, национальной и другой форме идентичности.

Однако всплывает важная проблема: какими ценностными, культурными и другими сторонами жизни нашего общества можно усилить воздействие фактора евразийства на процесс формирования идентичности страны в современном контексте? Здесь, как можно предполагать, открывается несколько направлений. Во-первых, важным становится перепрофилирование ценностей и символики, самого потенциала евразийства на условия и формы реализации социальных и культурных коммуникаций, существующих в современном российском обществе. Это открывает возможности наполнения коммуникационных потоков символическими и ценностными проявлениями национального характера, что значительно усиливает интегративную функцию социокультурной сферы общества. Во-вторых, значительный ресурс открывают ценности и установки патриотизма, направленного не на политические, воспитательные или другие частные аспекты (или стороны) жизни нашего общества, а на раскрытие для *общества качества самого его бытия*, т.е. осознание людьми той опасности, которая становится катастрофической для страны, если необходимая сегодня мы-идентичность не будет сформирована.

В-третьих, значительного прояснения требует характер самих междоцивилизационных отношений как нового вида международного партнерства, корректирующего и внутренние процессы в стране, – от политических и экономических до культурных и экологических. Поскольку такое партнерство выступает формой связи (т.е. посредничества) между внешней средой и внутренней жизнью для любого общества, необходимо осмысление тех новых норм и стандартов, которые коррелируют здесь региональное и глобальное. Эта проблема сегодня становится важной стороной международной политики, включая и политику реа-

лизации межкультурного сотрудничества. Неслучайным в этом контексте оказывается разработанный ЮНЕСКО еще в 1998 году для решения проблем защиты культурной идентичности и развития национальных культур междисциплинарный проект «На пути к культуре мира», в котором особое внимание обращалось на необходимость сохранения поликультурности современного мира [1]. Сегодня становится все более ясным, что эта проблема непосредственно связана с развитием сферы межкультурных отношений.

Таким образом, формирование российской макроидентичности является ключевым условием для решения многих проблем социального, экономического, культурного и другого характера. Если наше общество будет интегрировано в форму общего коллективного субъекта, способного выработать свои позиции по разным социально важным вопросам, тогда будет решена проблема гражданского общества, партнерства между обществом и государством, между Россией и другими цивилизациями. Но для этого общество должно приобрести качество мы-идентичности как исходной и глубинной позиции своего существования. В этом плане нельзя не согласиться с утверждением американского социолога Э. Шилза, что гражданское общество существенно отличается разделяемой системой ценностей и коллективным самосознанием. Необходимым условием существования общества является осознание его членами своей принадлежности к данному обществу как целому [11, с. 163]. Национальная идеология социальной интеграции, культурного просвещения, общероссийской социализации будет способствовать формированию коллективного самосознания, выводящему на качественно иной уровень как в решении проблем экономического и социокультурного характера, так и глобального сотрудничества. Вследствие этого идеологическая и социокультурная системы координат в выстраиваемом пространстве макроидентичности будут способствовать экономической модернизации и инновационному развитию, и только в этом случае будут оправданы надежды на будущее страны. В свете сказанного можно считать, что актуальность проблемы формирования общероссийской макроидентичности и ее социальная востребованность будут возрастать.

Литература

1. <http://grani.agni-age.net/articles/unesco.htm> (12.01.11)
2. Андрушкевич, И.Н. Национальная идея России // Трибуна русской мысли. – 2007. – июль. – С. 162–170.
3. Багдасарян, В.Э. Идеология как фактор государственной успешности : сравнительный исторический и страновой анализ // Программа Всероссийской научной конференции «Национальная идея России» 12 ноября 2010, г. Москва. – М., 2010. – 45 с.
4. Бочкова, Л.В. К вопросу о русской идее в прошлом и настоящем // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. Научный журнал. – М. : РГАЗУ, 2006.
5. Как избежать этнических битв // Труд. – 2010. – № 234. – 14 декабря.
6. Гнатенко, П.И., Бузский, М.П. Национальная психология и бытие общества. – Днепропетровск : ДНУ, 2002. – 209 с.
7. Мусаев, И.М. Теории национализма : анализ современных зарубежных концепций : монография. – СПб. : Изд. РГПУ им. А.И.Герцена, 2005. – 140 с.
8. Российская национальная идентичность в лабиринтах модернизации и глобализации : философские, социокультурные и политические проблемы // Материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. В.Р. Чагилов. – Невинномысск : НГГТИ, 2010. – 474 с.
9. Российская цивилизация : этнокультурные и духовные аспекты : энц. словарь / ред. колл.: М.П. Мчедлов и др. – авт. колл.: А.Л. Андреев и др. – М. : Республика, 2001. – 544 с.
10. Хантингтон, С. Кто мы? : вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. – М. : АСТ : АСТ Москва, 2008. – 635 с.
11. Шилз, Э. Власть и ценности // Сравнительное изучение цивилизаций. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 556 с.
12. Якунин, В. Государственная идеология и национальная идея : конституционно-ценностный подход // Журнал «Власть». – 2007. – № 3. – http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.rusrand.ru%2Fpublic%2Fpublic_52.html&text (21.01.11)